

УИЛЬЯМ МОРРИС

СВЕНД И ЕГО
БРАТЯ

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис
Свенд и его братья

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Свенд и его братья / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«В прежние времена некий король правил могущественным народом; было чем гордиться тому человеку, который властвовал в этой стране: сотни лордов, каждый из которых был истинным князем над своими людьми, восседали вместе с ним в Совете – под далёким сводом, синим, как свод небесный, и тоже усыпанным бесчисленными искрящимися золотыми звёздами...»

© Моррис У., 1856

© Эксмо, 1856

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Уильям Моррис Свенд и его братья

В прежние времена некий король правил могущественным народом; было чем гордиться тому человеку, который властвовал в этой стране: сотни лордов, каждый из которых был истинным князем над своими людьми, восседали вместе с ним в Совете – под далёким сводом, синим, как свод небесный, и тоже усыпанным бесчисленными искрящимися золотыми звёздами.

На север и юг, на восток и на запад простиралась его земля, и море не было ей преградой. Империя эта перебиралась и через высокие горы, тянулась вдоль горных долин, сверкала многобашенными крепостями у моря, каждая из которых властвовала над берегами своего просторного залива, способного вместить едва ли не все корабли мира.

На суше пастбища чередовались с зерновыми полями, между которыми находилось место и квадратам несчётных виноградников; весной и летом солнце наполняло соком гроздь и питало колосья, дожди умягчали и делали сладкой высокую траву, с горных вершин спрыгивали ручейки – прорезавшие себе ущельями дорогу в камне, они сливались в огромные реки, глубокие, как само море.

Врезаясь в груди гор, народ тех земель извлекал из недр руды и разноцветный мрамор. Люди, над которыми правил этот самый король Вальдемар, умели всё что угодно: они выравнивали горы, чтобы по гладким дорогам повозки могли увозить от моря шёлк и специи, они осушали озёра, чтобы поля их давали всё больше и больше урожая. А смерды – обитатели жалких домишек, погоняемые, словно скот, и куда более голодные, чем животные, – медленно умирали, даже не сознавая, что у них есть душа.

Люди эти построили огромные корабли и провозгласили себя владыками морей. Только море оказалось строптивым подданным и нередко возвращало эти корабли на берег разделанными в сосновую щепу. Они возводили башни, мосты и мраморные дворцы, бесконечные коридоры их освежали розовой эссенцией и плеском фонтанов.

Во все стороны поднебесья, откуда только ни дует ветер, они рассылали свои армии и флотилии – которые взяли и сожгли множество счастливых городов, опустошили бесчисленные поля и долины, изгладил из памяти рода людского даже имена некоторых народов, обрекая покорённых ими мужчин на безнадёжность и позор, а женщин на бесчестье, – а потом возвращались домой, чтобы их осыпали цветами, словно дождём, чтобы пировать и слушать, как их называют героями.

Как же было королю не гордиться такими людьми? Больше того, они умели придавать камню и меди человеческую наружность; они умели писать книги, знали имена звёзд и даже их число; умели видеть причины, что, действуя в сердце, определяют поступки людей, умели составить хитроумные каталоги добродетелей и пороков; их мудрецы способны были доказать любому желающему, что всякая правда является ложью, а всякая кривда – истиной¹... так что человек этот с помутившейся головой и смятением в сердце мог уже усомниться в существовании самого Бога.

Ну, разве не должен был король гордиться такими людьми? Мужчины здесь были крепки телом и ступали по земле с изяществом танцоров; иссиня-чёрные, надушенные кудри рыцарей переливались под лучами бесчисленных ламп, скоплением солнц, светивших в королевских чертогах. Белолицые и румяные женщины этого народа были прелестны, нежная кожа их светилась, как горный мрамор, а голоса казались сладкой музыкой, льющейся со ступеней белокаменных дворцов.

¹ Фраза, характеризующая софистику, начиная ещё с древнегреческого времени (см., напр., диалоги Платона).

И впрямь, как не гордиться королю подобными подданными, в таком совершенстве приспособившими мир к собственным нуждам, что и внуки их имели возможность воспользоваться плодами трудов своих дедов?

Но увы! Все они были рабами – и король, и священник, и знатный горожанин; такими же, как самый последний смерд, а быть может, и ещё большими, ибо он был рабом против собственной воли, а они – по добром согласию.

Словом, они умели всё – только не знали справедливости, правды и милосердия; посему Господь изрёк над ними Свой суд, только до поры отсрочил выполнение приговора.

Многие века эти люди воевали с одним народом, но так и не смогли полностью покорить его. Слабый числом, этот народ обитал буквально в самом сердце страны – возле гор. Но победа постепенно приближалась, соседи утрачивали свою землю – за акром акр, поливая каждый из них целыми морями крови, и конец свободного народа был уже недалёк: на сей раз король Вальдемар пришёл в эту землю с великим войском, чтобы, как хвастливо говорил он самому себе, навсегда закончить эту войну.

* * *

Но теперь направимся в окружённый стенами город в свободной земле, в дом, сложенный из нетёсаного камня, в невысокую горницу в этом доме, по которой нетерпеливо расхаживает взад и вперёд некий старик.

– Неужели она всё-таки не придёт, – говорит он. – Солнце зашло два часа назад... Пришли вести о вторжении врага. Как ужасно, если её взяли в плен.

Яростная и беспокойная энергия этого мужа избороздила лицо его многочисленными морщинами; однако он кажется утомлённым – таким бывает человек, который, совершив всё возможное, вынужден терпеть поражение. Он как будто бы мечтает об уходе, об отдыхе: он отчаялся... он, сражавшийся во многих битвах и собственной рукой отражавший весь напор, весь натиск врага. Последнее вторжение, на его взгляд, действительно должно было стать последним; доселе волна за волной разбивались они об его отчуждённую землю и откатывались назад – в извергавшее новые валы свирепое море. Теперь родине предстоит утонуть под этими водами... Как страшно Господь наказует народ за грехи! Но вернёмся назад, волнение за Гизеллу – за дочь – одолевает его... Он всё расхаживает взад и вперёд, время от времени останавливаясь и разглядывая самые знакомые предметы. Вот и ночь подошла к концу...

Тут снаружи пропел горн, прозвучали пароль и ответ, во дворе открылась калитка, ибо в городе, стены которого слабы, каждый дом становится небольшой крепостью. Звуки эти радуют старика, и он спешит ко входу, где его встречают два молодых рыцаря при всём вооружении и пришедшая с ними дева.

– Слава Богу, вы вернулись, – говорит старик и умолкает, разглядев лицо дочери – бледное, переполненное невыносимой скорбью.

– Все Святые! Гизелла, что случилось? – восклицает он.

– Отец, Эрик сейчас всё расскажет тебе.

Тут раздаётся металлический лязг. Это Эрик бросил на камни меч в дорогах, украшенных камнями ножах; вот он попирает его ногой, сокрушая жемчужины, и говорит, тряхнув головой:

– Отец, враги уже на нашей земле, и да примет каждый из них подобную участь. Я уже разделался с двоими.

– Эрик, сын мой... Эрик! Ты всегда говоришь о себе самом; скорее расскажи мне, что было с Гизеллой. А если ты не перестанешь хвастать и интересоваться только собой, тебя ждёт скверный конец, – только всё это отец говорит с улыбкой, поблескивая глазами.

– Хорошо, слушай... Она рассказывает странные вещи; я бы не поверил этим словам, если бы не услышал их от сестры. Враги наши сделались великодушными, по крайней мере – один из них, что разочаровывает меня... Ах, прости, я опять о себе! Но что мне остаётся, отец?... Словом, Гизелла отошла в сторону от всех девиц, когда... Ей-богу, я не сумею всё рассказать как надо, пусть рассказывает сама... Ну, Гизелла, у тебя же и язык лучше подвешен, привыкла болтать с соседом Сиуром... Значит, она сказала, что едва отошла, как на неё наехали во множестве рыцари врага. Опустившись на колени, сестрица принялась молиться Богу, который её и защитил. Итак, когда она уже ожидала самого ужасного, предводитель этих рыцарей – человек весьма благородный с виду, по её словам, освободил её. А потом, посмотрев как следует в глаза, велел отправляться домой со всеми девицами, если она ещё способна назвать своё имя и показать, где живёт. Потом он послал с ней ТРОИХ РЫЦАРЕЙ – проводить поближе к городу – и, повернув назад, уехал со всем своим отрядом. Они же, убедившись в том, что предводитель уехал, начали говорить Гизелле ужасные вещи, которые она едва понимала. Но прежде чем могло случиться нечто худшее, приехал я и убил двоих – как уже говорил; третий же бежал – с усердием и отвагой. Перед тобой меч одного из убитых рыцарей, или, точнее сказать, презренных негодяев.

Выслушав сына, старик погрузился в думу и некоторое время молчал, а потом молвил в некоторой рассеянности:

– Эрик, отважный сын мой, в твои годы я тоже надеялся, и надежды мои дожили до этой поры. Но ты слеп в своей юности, Эрик, и не понимаешь, что король – ибо предводитель этот вне сомнения был королем – раздавит нас, и известное благородство ничуть не помешает ему... Увы тебе, бедный старый Гуннар! Ты сломлен и готов умереть, как и твоя страна. Как часто в прежние времена твердил ты себе, выезжая на битву во главе нашего славного дома: этот поход станет последним, эта битва решит всё дело. Они ушли в прошлое, эти памятные своей доблестью сражения, но враг всё напирал, мы отступали, и с нами, увы, отступала надежда, сокращаясь вместе с границами нашей страны. Пойми, это – последняя волна... или предпоследняя, а там всё равно придётся со скорбью проститься со свободой и славой. Но если нас сотрут с лица земли, тогда непременно настанет конец света. Говорят, что Господь будет ждать долго, но отомстит за своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.